

ПЕЧАТЬ ЗАБВЕНИЯ

ЕВГЕНИЙ ФЮЖЕН

Евгений Фюжен

Печать Забвения

«Автор»

2026

Фюжен Е.

Печать Забвения / Е. Фюжен — «Автор», 2026

3 книга цикла Протокол (читать после Железный Шепот). Петербург, конец XIX века. Город, где наряду с людьми веками живут домовые, русалки и болотники, — их существование держится на памяти и вере горожан. Но теперь над столицей нависла новая угроза: тайный советник Чарторыйский и его «Комитет Общественного Покоя» объявили охоту на «нечисть». Их оружие — не огонь и не меч, а безжалостная оптическая фиксация, стирающая духов в стеклянные негативы вместе с памятью о них. Капитан Особого Кабинета Глеб Орлов и ведунья Анфиса Ветрова оказываются в центре этой войны. Они — последняя преграда на пути Чарторыйского, который стремится превратить живой, дышащий город в стерильный механизм, лишённый страхов, сказок и самой души. Их расследование начинается с пустого угла в купеческом доме, а приводит в подземные архивы Петропавловской крепости, где решается судьба не только Петербурга, но и самой памяти человечества.

© Фюжен Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие от автора:	5
Глава 1: Пустые углы	6
Глава 2: Камера фиксации	10
Глава 3: Визит из Канцелярии	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Печать Забвения

Предисловие от автора:

Наверняка ты, мой читатель запутался в продолжениях, дабы узнать, что есть 3 часть саги "Протокол", перед тобой одна из альтернативных версий продолжения, которая будет также самостоятельно развиваться.

Глава 1: Пустые углы

Октябрь в Петербурге не наступал — он просачивался.

Он сочился склизкой балтийской моросью сквозь швы форменных шинелей, оседал жирной сажей на чугунных завитушках мостов и выстуживал доходные дома до самого нутра, превращая парадные лестницы в сырые каменные колодцы. После оглушительного грохота минувшего лета, когда заводские окраины дрожали от медного звона смирновского «Колокола», а уличные проповедники срывали голоса на площадях, в столице воцарилась тишина.

Но это была дурная, настороженная тишина. Она напоминала паузу перед тем, как на тонком льду Мойки с сухим щелчком разойдется первая глубокая трещина.

Глеб Сергеевич Орлов стоял у высокого окна в особняке второй гильдии купца Полуектова на Литейном проспекте и смотрел, как за стеклом расплываются огни газовых фонарей. В пальцах он привычно перекатывал тяжелый серебряный портсигар — безделушку бессмысленную, но помогавшую сосредоточиться, когда логика следствия упиралась в глухую стену.

— Вы говорите, сквозняк? — не оборачиваясь, спросил Орлов. Голос его звучал глухо и сухо, как и положено человеку, чья служба в Особом Кабинете давно отучила от лишних эмоций.

Хозяин дома, Платон Фомич Полуектов — дородный мужчина с окладистой бородой лопатой и багровым от сытой жизни лицом — нервно переминался с ноги на ногу на паркете. В руках купец комкал шелковый платок.

— Именно так, ваше благородие. Сквозняк. Да только не снизу тянет, не из щелей поддувает, а... будто из угла самого. Знаете, эдак морозом поведет, словно форточку в стужу расстарили, а подойдешь — сухо, тепло, рамы наглухо законопачены, ватой с брусничным листом проложены. А горничная Палашка вчера с чашку с кофею туда понесла — и забыла, зачем шла. Встала как пень, глаза оловянные, чашку оземь бросила и глядит в угол. «Что, — кричу, — дура, творишь?» А она мне: «Там, барин, ничего нет». Да ведь и впрямь ничего нет! А почему страшно?

Орлов наконец повернулся.

Купец выглядел не столько испуганным, сколько глубоко, до физической дурноты сбитым с толку. В его взгляде читалась та особенная, жалкая растерянность, которая случается с людьми практического склада ума, когда в их налаженном быту обнаруживается прореха, не поддающаяся расчету в гроссбухе.

Рядом со старинной голландской печью, облицованной синими кобальтовыми изразцами, опустившись на корточки, сидела Анфиса Ветрова.

Ее темное шерстяное пальто с простым дорожным воротником промокло у подола — они добирались сюда на извозчике под хлестким дождем. Анфиса сняла тонкие кожаные перчатки и держала ладони в нескольких вершках от плинтуса. Пальцы ее чуть заметно подрагивали, тонкие запястья казались хрупкими на фоне массивной чугунной заслонки.

Орлов наблюдал за ней. За прошедшие месяцы Ветрова почти не изменилась внешне: все та же упрямая складка меж темных бровей, тот же внимательный, пронизывающий взгляд больших серых глаз, умевших видеть изнанку видимого мира. Но внутри нее что-то напряглось. После событий у здания Бюро, когда ей пришлось встать живым щитом между толпой фанатиков и древними городскими тварями, в ее повадках появилась глухая, сдержанная тревога.

— Анфиса Васильевна? — тихо окликнул Орлов. — Навь?

Девушка медленно поднялась. Колени ее скрипнули в тишине парадной столовой. Она потерла ладони одна о другую, словно пыталась согреть их после прикосновения к мерзлому булыжнику.

— Нет, Глеб Сергеевич, — ее голос прозвучал тихо, сдавленно. — Если бы здесь была Навь, остался бы холод. Или запах тлена, или зов... Вы же помните, как пахнет след кикиморы или заложного покойника: стоялая вода, ржавчина, тоска. Здесь другое.

— Что именно?

— Здесь пусто, — она посмотрела на купца. — Платон Фомич, позвольте спросить: сколько лет этому дому?

— Так дед еще строил, к сороковому году подняли, — купец вытер вспотевшую шею. — Семьдесят годов почитай стоим.

— И за все эти семьдесят лет... вы когда-нибудь оставляли на ночь за печью горбушку хлеба? Или блюдечко с молоком?

Купец моргнул. Один раз. Другой. Черты его лица на мгновение словно смазались, сделались плоскими, как на плохом типографском оттиске.

— Молоко?.. — переспросил он чужим, деревянным тоном. — За печью? Помилуйте, барышня, с какой стати еду на пол ставить? Мы люди православные, купечество степенное. Мышей у нас отродясь не водилось, коту держим, сибирского, серого... А чтоб за печь... Зачем?

— Не для мышей, — настойчиво шагнула к нему Анфиса. — Неужели мать ваша не наказывала «дедушку» задобрить, когда пироги пекли? Когда дом скрипел к непогоде? Вспомните. Имя его вспомните. Хоть раз в детстве вы его окликали?

Полуектов замер. Его брови сошлись на переносице, пальцы конвульсивно стиснули платок. Орлов заметил, как вены на висках купца набухли от чудовищного умственного усилия. Человек пытался вспомнить то, что должно было лежать на самой поверхности памяти любого коренного горожанина, выросшего в старых кварталах.

— Я... — купец открыл рот, судорожно втянул воздух. — Было... вроде как сказывали... А что сказывали? Слово-то какое? До... дом... Домови... Нет, глупость какая-то. Ничего там не было. Просто угол. Каменная кладка, штукатурка, пыль. Чего вы мне голову морочите, сударыня?!

Он внезапно разозлился — той слепой, раздражительной злостью, какой человек защищается от приступа необъяснимого головокружения.

— Оставьте его, Анфиса, — негромко произнес Орлов, кладя руку в темной замшевой перчатке на плечо девушки. — Он не притворяется. Он действительно не понимает.

Орлов опустил на одно колено возле изразцовой печи. Достав из кармана сюртука складной металлический щуп с рифленой рукоятью — инструмент сугубо криминалистический, казенный, — он провел наконечником вдоль узкого зазора между дубовым плинтусом и полом.

Железная воля Орлова — его собственный, врожденный дар глушения аномалий, то самое лезвие внутренней концентрации, которым он разрубил энергетический контур смиренного «Колокола» — спала внутри него, свернувшись тугой пружиной. Но сейчас она даже не шевельнулась. Не было давления чужой магии. Не было тяжелого эфирного жужжания механизмов Ярославского.

Была абсолютная, противоестественная стерильность. Словно из этого угла выкачали не просто духа — выкачали сам факт того, что в этом доме когда-либо жили сказки, шепотки за перегородками и суеверный детский трепет.

Щуп зацепил что-то крошечное. Раздался тонкий стеклянный звон.

— Посветите, — бросил Орлов.

Анфиса сняла со стены тяжелый латунный канделябр со свечами и наклонилась ближе. Желтый колеблющийся огонек выхватил из полумрака крошечный предмет, лежавший на паркетной щели.

Это был осколок.

Не больше ногтя мизинца, удивительно ровный, треугольной формы. Но стекло было необычным: толстое, с идеально отшлифованной кромкой, отливающее не привычной бутылочной зеленью невских мастерских, а глубоким, чернильно-фиолетовым оттенком.

Орлов достал пинцет, бережно подхватил осколок и поднес к пламени свечи.

— Оптическое, — констатировал следователь. — Тяжелый флинтглас высокого качества. В казенных мастерских такое идет на цейсовские объективы или дальномеры для военного флота. Но гляньте на поверхность.

На полированной грани стекла лежал тончайший, радужный налет. От него исходил слабый, едва уловимый запах — резкий, аптечный, щекочущий ноздри.

— Эфир? — нахмурилась Анфиса, принюхиваясь.

— Коллодий, — поправил Орлов. — И соли бромистого серебра. Так пахнет в фотографических ателье на Невском, когда господа фотографы готовят мокрые пластины для портретов. Фиксаж, гипосульфит.

— Фотография? Здесь? — Анфиса покачала головой. — Платон Фомич, вы приглашали фотографа в дом?

Купец опешил: — Да упаси господь! Сниматься — грех один, да и дорого. Дочку по весне хотели свезти на Большую Морскую к Левицкому, к помолвке, да передумали. Сюда никто с аппаратом не входил, крест святой кладу!

Орлов опустил осколок в маленький стеклянный флакон для вещественных доказательств и плотно запечатал пробкой.

Затем он поднялся во весь рост и еще раз оглядел комнату. Теперь он видел то, чего не заметил сразу. На обоях в углу за печью виднелся бледный, четкий прямоугольник — будто здесь долгое время висела небольшая рама, защищая бумагу от копоти и выцветания. Но стены были чисты. На самом паркете виднелись три крошечные круглые вмятины.

Следы от ножек тяжелого фотографического штатива.

— Поехали, Анфиса Васильевна, — тихо сказал Орлов. — Здесь нам больше делать нечего.

— А как же... угол? — растерянно крикнул им вслед купец, когда они уже выходили в полутемный коридор. — Что с холодом-то делать, ваше благородие? За чей счет ремонт?

— Заколотите досками, Платон Фомич, — бросил через плечо Орлов, натягивая перчатки. — И поставьте туда шкаф. Больше он вам не понадобится.

На улице дождь сменился ледяной крупой. Ветер с Невы хлестал по лицу, рвал полы шинели. Извозчик, насупившись под брезентовым фартуком, дремал на козлах у чугунных ворот.

Орлов помог Анфисе сесть в пролетку, укрыл ее колени грубой суконной полостью и сел рядом, назвав кучеру адрес здания Особого Кабинета на Фонтанке.

Лошадь тяжело тронула, кованные колеса загрохотали по мокрой мостовой.

Анфиса сидела неподвижно, глядя перед собой на темную спину извозчика. Руки ее, спрятанные в муфту, были сжаты в кулаки.

— Вы поняли, что произошло, Глеб? — нарушила она молчание, когда пролетка вывернула на Литейный.

— Домового больше нет. Это очевидно.

— Нет, вы не поняли, — она повернулась к нему, и в свете проплывающего газового рожка Орлов увидел неподдельный ужас в ее глазах. — Его не убили. Когда нечисть гибнет от железа или огня, остается след. Душа духа — если можно так назвать его суть — рассеивается в стихию. Земля помнит, дерево помнит, люди плачут от внезапной тоски, сами не зная о чем. А здесь... Его вырезали. Вместе с корнем. Вместе с памятью старика, который сорок лет прожил в этом доме. Купец забыл само слово, понимаете? Как будто домовых никогда не существовало на свете.

Орлов молчал, чувствуя тяжесть флакона в кармане шинели.

— Если люди забудут их имена, — продолжала Анфиса шепотом, и в голосе ее зазвенели слезы, — они исчезнут окончательно. Не в Навь уйдут, не в землю лягут. Они обратятся в ничто. Смирнов хотел заковать их в медь и поршни, епископ Митрофаний хотел сжечь их во славу Господа... Но это... Тот, кто был в том доме, делает нечто худшее. Он крадет быть.

— Зачем? — коротко спросил Орлов.

— Без памяти нет страха, — горько усмехнулась она. — А без страха и трепета городом управлять куда проще. Идеальный порядок. Никаких ночных шорохов, никаких проклятых мест, никаких чудес. Только реестры, налоги и ровные фасады.

Пролетка притормозила у Симеоновского моста, пропуская встречный экипаж.

Орлов машинально скользнул взглядом по тяжелой закрытой карете, запряженной парой вороных породистых коней. Экипаж двигался плавно, почти бесшумно — на мягких резиновых шинах, редкой роскоши для петербургских улиц. Окна кареты были занавешены плотными шелковыми шторками изнутри, но на дверце блеснул начищенный герб: двуглавый орел, держащий в лапах не скипетр и державу, а раскрытую книгу и песочные часы с зеркальным стеклом.

Знак Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Особый архивный департамент.

На секунду шторка в окне кареты чуть сдвинулась.

Орлов успел заметить бледное, породистое лицо немолодого человека в безупречном сюртуке стального оттенка, с гладко зачесанными назад седеющими волосами. В тонких пальцах незнакомец держал круглую моноклевую линзу в золотой оправе и смотрел сквозь нее прямо на пролетку следователя.

Взгляд его светлых, водянистых глаз был абсолютно неживым — так смотрит естествоиспытатель на пойманное под стеклянный колпак насекомое, аккуратно прикидывая, какой булавкой проткнуть ему грудной щиток.

Затем шторка опустилась. Карета покатила дальше в сторону Невского проспекта, растворяясь в серой пелене дождя.

Орлов нахмурился, невольно прикоснувшись к рукояти револьвера под шинелью. Внутри него, под ребрами, на мгновение разлился странный холод — не ледяной укол магии, а сухое, мертвое прикосновение пыльного архивного листа.

— Глеб Сергеевич, — тихо позвала Анфиса, тронув его за рукав.

— Что?

Она смотрела на свои ладони, раскрытые на коленях.

— Я сейчас... пыталась вспомнить приговорку. Ту, старую, новгородскую, которой моя бабка в деревне унимала банника, когда камень в печи трескался. Я знала ее наизусть с семи лет. Каждое слово помнила.

Она подняла на него побелевшее лицо:

— Орлов... я не помню первой строчки. Я помню ритм. Помню, как пахло березовым веником. А слов... слов больше нет. Их словно смыло.

Пролетка свернула на набережную Фонтанки, приближаясь к темному, коренастому фасаду Особого Кабинета. В окнах третьего этажа, где располагался архив Тимофея Семеновича, тускло горел единственный керосиновый светильник. Город за спиной следователя затихал, погружаясь в искусственный, кем-то тщательно регламентированный сон.

Глава 2: Камера фиксации

В архиве Кабинета Чудесных Расследований всегда пахло одинаково: сухой бумажной пылью, сургучом, старым чаем и едва уловимым душиком сушеных трав, которые Анфиса тайком раскладывала по углам стеллажей от книжного долгоносика.

Здесь, за массивными дубовыми шкафами, уходившими под сводчатый кирпичный потолок, время текло иначе. За окнами могла шуметь революционными сходками столица, могли сменяться министры или грохотать на Неве ледоход, но в казенных комнатах на Фонтанке тиканье тяжелых напольных часов с маятником оставалось единственным мерилom человеческой жизни.

Тимофей Семенович — бессменный архивариус Бюро, сутулый, с птичьим залысым черепом и вечно съезжавшим на кончик носа пенсне на вытертом шелковом шнурке — сидел за химическим столом, склонившись над латунной трубкой микроскопа.

Орлов стоял рядом, опершись кулаками о столешницу. Он уже снял шинель, оставшись в темно-синем служебном мундире без эполет, с расстегнутым воротом.

— Любопытно... Чрезвычайно любопытно, Глеб Сергеевич, — дребезжащим, скрипучим шепотом пробормотал старик, тонким серебряным пинцетом поворачивая стеклянный треугольник под объективом. — Знаете ли, сколько лет я служу при бумагах? Сорок второй годок пошел. Я помню дела князя Голицына, помню чернокнижников со Смоленского поля... Но такого состава эмульсии видеть не доводилось.

— Что там, Тимофей Семенович? — Анфиса сидела на краю дивана, сжав озябшие пальцы в замок. Чай в толстом граненом стакане в подстаканнике перед ней давно остыл, подернувшись тонкой пленкой.

Архивариус снял пенсне, близоруко сощурился и потер веки платком:

— Основа — классический коллодий. Хлопчатобумажный порошок, растворенный в эфире со спиртом. Обыкновенный мокроколлоидионный процесс, коим нынче всякий базарный портретист балуется, делая снимки на жести и стекле за полтинник штука. Но вот соли... — старик ткнул сухим пальцем в лежавшую рядом фарфоровую чашку с каплей реактива. — Вместо простого йодистого калия здесь использовано осажденное коллоидное серебро, легированное толченым магнитным железняком. И еще кое-что.

— Руны? — тихо спросил Орлов.

— Хуже, голубчик. Текстура, — Тимофей Семенович снова водрузил пенсне на переносицу. — Под двадцатикратным увеличением видно: край стеклянной пластины не просто отрезан алмазом. Он микроскопически гравирован. Тончайшая насечка, решетка толщиной в волос. Она преломляет свет особым манером. Создает оптическую ловушку. Знаете, как ловят рыбу мережей? Вход широк, а выхода нет. Свет входит... и застревает в толще стекла, закручиваясь в фокальной точке.

— Свет не может застрять, — холодно возразил Орлов. — Это противоречит физике.

— Обычный свет — не может, — подала голос Анфиса. Она подняла глаза на следователя, и в них не было сомнений. — А светоносная плоть Нави — может. Духи не состоят из мяса и костей, Глеб Сергеевич. Они — образ. Внимание. Память тех, кто в них верит, сгустившаяся вокруг природной силы. Если поймать их отражение в правильный миг и закрепить его химией...

Она осеклась, будто испугавшись собственного вывода.

— То образ осядет на серебряных кристаллах, — закончил за нее Орлов, желваки на его скулах отвердели. — А исходный носитель?

— Исходный носитель перестает существовать в трех измерениях, — прошелестел Тимофей Семенович, аккуратно опуская пинцет. — Он становится плоским. Картинкой на стекле.

Негативом. А поскольку связь духа с материальным миром держалась исключительно на памяти людей, резонанс ломается. Обратная волна накрывает свидетелей. Если вещь заперта в каталоге, мир вокруг нее ведет себя так, словно ее никогда не было.

В этот момент за дверью канцелярии раздался торопливый, тяжелый топот казенных сапог.

Створка распахнулась, впуслав клуб холодного пара с лестницы. На пороге стоял дежурный урядник третьей Нарвской части, мокрый до нитки, в сбившемся башлыке. На его медной бляхе блестяли капли дождя.

— Господин капитан! — задыхаясь, выкрикнул полицейский, прижимая руку к козырьку. — Из Кабинета велено... Срочно! В Екатерингофском парке ЧП. Сторожа нашли у Черной речки, без ума совсем. А на Молвинском пруду... там чертовщина, ваше благородие. Вода стала.

Орлов медленно повернулся к вешалке и снял шинель: — Что значит «стала»? Замерзла?

— Никак нет, господин капитан, — урядник сглотнул, лицо его было белым, как мел. — На термометре плюс три. А она... как зеркало. Камень кинешь — звенит и не тонет. И трава по берегу... будто из хрусталя выдутая.

До Екатерингофа добрались за сорок минут. Ночной город за Нарвской заставой вымер, лишь редкие керосиновые фонари освещали убогие заборы да черные громады фабричных корпусов Путиловского завода, спавших в тяжелом воскресном сне.

У ворот старого парка, заложенного еще при Петре, переминались двое конных жандармов с факелами. Лошади нервно косили налитыми кровью глазами, всхрапывали и пятились от чугунной решетки, наотрез отказываясь идти в аллею.

— Стойте здесь, — бросил Орлов кучеру, спрыгивая на раскисшую от дождя грязь.

Анфиса выскользнула следом, не дожидаясь помощи. Она натянула капюшон пальто, закрываясь от пронизывающего балтийского ветра.

Они двинулись пешком по центральной аллее, ориентируясь на дрожащий свет фонарей «летучая мышь» в глубине парка. Под ногами чавкала палая листва, пахло прелью, гнилой корой и скорой зимой. Но чем ближе они подходили к Молвинскому мосту, тем резче менялся запах.

Прель исчезала. Воздух становился стерильным, колючим, пахнущим аптечным эфиром, жженой магниевой лентой и абсолютной, мертвой пустотой.

У самой кромки старого пруда, в плотном кольце полицейских, сидел на сыром бревне старик-сторож. Седая борода всклокочена, казенный тулуп распахнут. Он тупо смотрел на свои руки и беззвучно шевелил губами.

— Кто опрашивал? — Орлов подошел к околоточному надзирателю, невысокому плотному офицеру с воспаленными от бессонницы глазами.

— Я опрашивал, господин капитан, — козырнул тот. — Ничего не добиться. Твердит одно: «Вспышка была, барин. Солнце среди ночи упало». Спрашиваю: кто был? Экипаж? Злоумышленники? Молчит. Имени своего вспомнить не может. Семейку забыл. Спросил его, сколько лет сторожит пруд — глядит как баран. Говорит: «А разве тут пруд? Тут канава всегда была».

Анфиса не слушала полицейских. Она подошла к воде.

Орлов шагнул за ней и замер.

Пруд не замерз. На поверхности воды не было льда — не было характерных радиальных трещин, пузырьков замерзшего болотного газа или снежной корки. Вода действительно превратилась в единый, монолитный пласт толстого полированного стекла. В глубине, на глубине двух аршин, навеки застыли водоросли, замершие в причудливом танце, и мелкая рыбешка, превратившаяся в полупрозрачные неподвижные чешуйки.

Орлов наступил подошвой кованого сапога на темную гладь.

Раздался сухой, чистый звук — не треск речного льда, а глухой стук железа о бронированное стекло иллюминатора. Ни единой царапины. Ни капли влаги.

— Здесь жил Болотник, — глухо сказала Анфиса. Она опустилась на колени у самого берега, прямо в мокрую грязь, не заботясь о подоле. — Маленький, старый... Еще с петровских времен, когда здесь были сплошные топи. Он никого не трогал, Глеб. Только лодки покачивал да мальчишек пугал, чтоб в омуты не лазили.

Она провела пальцем по осоке у кромки пруда. Стебель камыша не согнулся — он надломился с тонким хрустальным звоном, осыпавшись на берег блестящими осколками.

— Они выкачали живое тепло, — Анфиса подняла голову. Глаза ее блеснули в свете факелов. — Это не машина Смирнова, Орлов. Смирнов давил силой, рвал паром и металлом. А это... это холодная фиксация. Они заморозили саму суть места.

Орлов достал из кармана фонарь, щелкнул заслонкой и направил луч под ноги.

На сыром дерне, в пяти саженях от берега, четко отпечатались следы.

Не крестьянские лапти и не грубые солдатские сапоги. Узкие носки дорогой петербургской обуви на тонкой подошве. Трое человек. Двое несли что-то очень тяжелое — грунт под их ногами просел почти на вершок. А третий стоял в отдалении, опираясь на круглый наколеник трости.

Орлов прошел по цепочке следов к старой раскидистой иве.

Здесь, в развилке ветвей, кора была содрана до белизны, а на ветках чернел густой налет серебристо-белой сажу.

— Магний, — Орлов потер пальцами сажу, поднес к носу. — Промышленная вспышка колоссальной мощности. Использовали электрический запал.

Он опустил луч фонаря к корням дерева и внезапно замер.

Там, среди пожухлой травы, что-то блеснуло.

Орлов опустился на корточки. Это была не мелкая щепка, как в доме купца на Литейном. Это был целый угол крупной стеклянной пластины размером в добрую четверть аршина, небрежно брошенный второпях или расколовшийся при извлечении из кассеты.

Следователь достал носовой платок, аккуратно поддел стекло за края и поднял на уровень глаз.

— Анфиса Васильевна. Подойдите.

Девушка приблизилась, держа фонарь. Свет керосинового фитиля упал на чернильно-фиолетовую поверхность осколка.

И оба они затаили дыхание.

В толще эмульсии, в застывших слоях серебра и коллодия, было видно изображение.

Но это не была фотография в привычном смысле. Картинка обладала пугающей, невозможной глубиной, уходящей внутрь стекла на несколько дюймов. В переплетении теней угадывалось крошечное, сморщенное, как печеное яблоко, существо с длинной бородой из тины и огромными, полными первобытного, безмолвного ужаса глазами. Существо было сплющено, впечатано в оптическую плоскость, словно засушенный цветок между страниц тяжелого ботанического атласа.

Оно не шевелилось. Но Орлов, обладавший своей тяжелой «железной волей», отчетливо почувствовал, как от холодного стекла в кончики его пальцев ударил неслышный крик — вибрирующий, затухающий, скорбный вопль плененной жизни.

А в самом нижнем углу пластины, прямо по стеклу, алмазным резцом был выведен казенный, безупречно ровный канцелярский шрифт с гербовым штампом:

«Собств. Е. И. В. Канц. Деп. Безопасности и Умиротворения.

Фонд IV (Навь).

Ед. хр. № 108-Б.

Наименование: Субъект автохтонный, болотный (Екатерингоф).

Статус: Изъят из обращения. Покои архива.

Дата: 14 октября 1891 г.

Исполнитель: Ревизор Фрол».

— Господи... — выдохнула Анфиса, отступая на шаг и прижимая ладонь к губам. — «Изъят из обращения»... Они говорят о живом духе, как о фальшивой ассигнации!

Орлов медленно завернул тяжелый осколок в платок и убрал во внутренний карман, рядом с револьвером. Металл оружия показался ему теплее, чем это мертвое стекло.

— Они не просто его изъяли, — тихо сказал Орлов, глядя на неподвижное зеркало Молвинского пруда, в котором бессмысленно отражались чужие, равнодушные звезды. — Они навели порядок. По всем правилам делопроизводства Российской Империи.

Он повернулся к онемевшему сторожу, которого двое полицейских уже вели под руки к пролетке:

— Завтра в газетах напишут, что в Екатерингофе прорвало химические стоки кожевенных мануфактур. Пруд оцепят, засыпят известью и уложат булыжником. А через год никто в этой части города не вспомнит, что здесь вообще когда-то была вода.

— Мы должны пойти к градоначальнику, — с отчаянием в голосе произнесла Анфиса, хватая его за рукав шинели. — К министру внутренних дел! Это самоуправство, Орлов! Наш Кабинет учрежден указом императора для расследования и защиты баланса между людьми и Навью!

Орлов посмотрел на нее — долго, тяжело, с той трезвой и безжалостной ясностью, которой научили его годы службы в охранных отделениях.

— Градоначальник подписал разрешение на вырубку парка вчера утром, Анфиса Васильевна. Я видел сводку в канцелярии. Наш Кабинет подчиняется Третьему департаменту. А эта бумага... — он коснулся груди, где лежало стекло, — исходит от людей, которые кладут доклады на стол непосредственно Государю.

Ветер над прудом внезапно стих.

В повисшей тишине до них донесся далекий, ровный перестук копыт. По набережной Екатерингофки, не зажигая фонарей, двигался закрытый черный фургон с зарешеченными узкими бойницами вместо окон.

Экипаж не остановился. Он лишь притормозил на мосту на пару секунд — словно невидимый наблюдатель сквозь темные шторы удовлетворенно окинул взглядом остекленевший водоем, — а затем прибавил ходу и растворился в промозглом петроградском тумане, увозя в своем чреве очередную запечатанную частицу городской души.

Глава 3: Визит из Канцелярии

Утро над Фонтанкой занялось тусклым, оловянным светом. Дождь прекратился, но на смену ему приполз типичный осенний петербургский морок — плотный, пахнущий угольной гарью и гнилой речной тиной туман, сквозь который фасады доходных домов казались гигантскими серыми айсбергами.

В Кабинете Чудесных Расследований не спали всю ночь.

На длинном дубовом столе перед Орловым лежала развернутая топографическая карта Санкт-Петербурга. Красными чернилами следователь методично обводил участки, откуда за последние два месяца поступали странные донесения: Васильевский остров, район Новой Голландии, Литейная часть, Екатерингофский парк. Линии складывались не в хаотичный узор происшествий, а в правильную геометрическую сеть — широкие концентрические кольца, стягивающиеся к единому центру.

К Петропавловской крепости.

— Они закрывают сектора, — негромко произнес Орлов, не отрывая взгляда от карты. Его глаза покраснели от табачного дыма и бессонницы, на щеках проступила темная щетина. — Район за районом. Методично, как при генеральной переписи населения. Сначала окраины, где свидетелей меньше, а нечисть слабее. Теперь подобрались к старым кварталам.

Анфиса сидела на широком подоконнике, подобрав под себя ноги и обхватив колени руками. Она сменила мокрое платье на простую шерстяную юбку и глухой темный жакет, но все равно казалась озябшей. Ее взгляд был устремлен в серое окно, где из тумана изредка выныривали черные силуэты барж.

— Тимофей Семенович, — тихо позвала она, не оборачиваясь. — Покажите еще раз ту книгу.

Архивариус, сидевший на стремянке у дальнего шкафа, тяжело вздохнул, шурша ветхими страницами фолианта в сафьяновом переплете.

— «Оптические курioзы и уловление теней», издание Лейпцигское, 1784 год, — проскрипел старик, осторожно спускаясь на скрипучий паркет. — Сочинение аббата Кальмета и лейб-медика прусского двора доктора Вейсмана. Здесь черным по белому писано: «Ежели свет суть первая форма творения, то духи стихийные суть свет отраженный, застрявший в плотных парах дольного мира. И как зеркало способно задержать луч солнца, такожде и зеркало тайного состава, серебром и солями ртути умщенное, способно удержать образ призрака, лишая его движения и сопричастия с миром живых».

— Значит, Чарторыйский не изобрел ничего нового, — Орлов прикурил очередную папиросу, чиркнув серной спичкой о ребро стола. — Он просто поставил старую чернокнижную теорию на казенное довольствие и фабричную основу. Новое министерство, новые оклады, новые штаты.

Договорить он не успел.

Снизу, из вестибюля, донесся резкий звон дверного колокольчика, за которым последовал тяжелый, размеренный шаг нескольких пар сапог. Никакой спешки, никакой суеты, свойственной посыльным или чинам городской полиции. Так ходили люди, твердо знающие: двери, к которым они приближаются, откроются перед ними в любом случае.

Дверь в приемную Кабинета распахнулась без стука.

Первым вошел жандармский офицер в чине ротмистра — высокий, сухой, с безупречно выглаженными аксельбантами и абсолютно неподвижным, словно вылепленным из парафина лицом. Он встал у косяка, придерживая рукой эфес палаша.

Вслед за ним в комнату неспешно шагнул тот самый человек, которого Орлов накануне мельком видел в карете у Симеоновского моста.

Вблизи он казался еще более бледным. Лет пятидесяти пяти, худощавый, с правильными, благородными чертами лица, в которых не читалось ни малейшего следа усталости. Темно-зеленый сюртук с золотыми пуговицами Тайного совета сидел на нем как вторая кожа. На шее белел тугой крахмальный воротничок, перехваченный скромной черной лентой с некрупным аметистом. В левой руке гость держал элегантную трость темного эбенового дерева с гладким набалдашником из горного хрусталя.

За спиной тайного советника бесшумной тенью замер третий вошедший — кряжистый, широкоплечий мужчина в глухом сером чекмене без знаков различия. Его правый глаз был скрыт круглой шорой из черной тисненой кожи, а левый, водянисто-голубой, смотрел в пространство с пугающей, механической пустотой. Под полую его чекменя угадывались очертания массивного револьвера и длинного кожаного футляра.

«Фрал», — мгновенно вспомнил Орлов надпись на стеклянном осколке из Екатерингофа.

— Господа, — голос тайного советника был негромким, бархатистым, с едва заметным приятным польским акцентом. Он мягко снял тонкие лайковые перчатки и бросил их на краешек стола Орлова, прямо поверх секретной карты. — Прошу простить столь ранний визит. Однако государственные надобности, как вам известно, не сообразуются с графиком сна подданных.

Тимофей Семенович на стремянке мелко перекрестился за спиной, а затем торопливо соскочил вниз, склоняясь в глубоком, подобострастном поклоне, вбитом в него десятилетиями канцелярской службы: — Ваше превосходительство... Юлиан Вацлавович... Честь великая... Не изволили предупредить...

— Полно, Тимофей Семенович, — Чарторыйский слегка шевельнул пальцами, пресекая излишние архивариуса. — Мы с вами слишком старые служаки, чтобы тратить время на чиновничье почитание. Здравствуйте, капитан Орлов. Сударыня Ветрова.

Он слегка наклонил голову в сторону Анфисы. Взгляд его при этом скользнул по ее лицу так, будто он осматривал музейный экспонат сомнительной сохранности.

— Чем обязан Особый Кабинет вниманию столь высокого лица? — Орлов даже не подумал вытянуться во фронт. Он остался стоять, зажав папиросу в углу рта, и только тяжелая волна его внутреннего сопротивления — его врожденная «железная воля» — медленно, неощутимо для обычных людей начала заполнять тесную комнату, создавая невидимый барьер между гостями и Анфисой.

Чарторыйский почувствовал это. Его брови едва заметно приподнялись, в глазах мелькнул профессиональный, почти научный интерес. Хрустальный набалдашник его трости слабо мигнул изнутри крошечной фиолетовой искрой, поглощая часть направленной на него ментальной тяжести.

— О, вы защищаетесь, Глеб Сергеевич, — тихо усмехнулся советник. — Похвально. В вашей аттестации из Отдельного корпуса жандармов весьма лестно отзывались о вашей стойкости против аномальных эманаций. Именно это качество, вкупе с вашим несомненным патриотизмом, и привело меня сюда.

Чарторыйский сделал знак ротмистру. Тот положил на стол перед Орловым тисненую сафьяновую папку с золотым государственным гербом.

— Высочайший указ от одиннадцатого числа сего месяца, — произнес Чарторыйский, оперевшись обеими руками на трость. — Во внимание к участвовавшим беспорядкам, инспирированным так называемыми «стихийными сущностями», а равно принимая во внимание пагубные последствия технического экстремизма небезызвестного инженера Смирнова и фанатизма церковных кликуш... Государь Император соизволил учредить Временный Комитет Общественного Спокойствия и Государственной Санитарии.

— Санитарии? — переспросила Анфиса, сделав шаг вперед от окна. Ее голос дрожал от сдерживаемого гнева. — Вы называете истребление памяти санитарией?

Чарторыйский перевел на нее спокойный, ясный взгляд.

— Сударыня, когда в городе вспыхивает холера, власти не вступают в богословские диспуты с холерными вибрионами. Их заливают хлорной известью. Ваш так называемый «фольклор» — это духовная холера Империи. Век пара, электричества и точных наук не может соседствовать с существами, чье бытие основано на темном суеверии темных мужиков. Из-за вашей снисходительности к этим тварям полгода назад чуть не сгорел Путиловский завод, а толпа фанатиков едва не разнесла правительственный квартал.

— Мы спасли город от катастрофы, — жестко отрезал Орлов. — И вы это знаете, ваше превосходительство. Если бы не Анфиса Васильевна, смирновский «Колокол» выжег бы половину столичного гарнизона.

— Вы устранили симптомы, капитан. Я же устраняю причину болезни, — Чарторыйский шагнул ближе к столу. — Магия нестабильна. Она иррациональна. Ей не место на улицах регулярного европейского города. Но заметьте — я не уподобляюсь покойному князю Ярославскому, пытавшемуся выжимать из духов механическую силу, и не уподобляюсь епископу Митрофану с его кострами. Я гуманен. Мой метод — архивация.

— Вы запираете их в стекло, — тихо сказала Анфиса. — Вы заставляете людей забывать собственное детство, сказки матерей, покой в собственных домах. Вы превращаете живой Петербург в гипсовый склеп.

— Я превращаю Петербург в идеальный часовой механизм, сударыня, где шестеренки не сбоят из-за того, что кухарке в подвале померещился домовой, — сухо парировал советник.

Он снова посмотрел на Орлова: — Департамент Общественного Спокойствия забирает под свою юрисдикцию все дела, связанные с автохтонными аномалиями. Деятельность Особого Кабинета приостанавливается. Все ваши архивы, картотеки, вещественные доказательства и образцы подлежат немедленной описи и передаче моим ревизорам.

Фрол за спиной советника сделал полшага вперед. Его единственный глаз вперился в массивный несгораемый сейф в углу кабинета.

— А если мы откажемся? — рука Орлова незаметно опустилась к карману сюртука, где лежала рукоять табельного револьвера.

Чарторыйский улыбнулся — мягко, почти с отеческим сожалением:

— Глеб Сергеевич, вы умный офицер. Не вынуждайте меня вспоминать о статье сто сорок второй Уложения о наказаниях — о неповиновении Высочайшей воле в условиях чрезвычайного положения. Вы нужны Империи. Ваша способность подавлять маскирующие чары тварей уникальна. Я предлагаю вам чин полковника и должность старшего инспектора в моем Комитете. С полным пансионом и неограниченным кредитом в Государственном банке.

— А Анфиса Васильевна? — с ледяным спокойствием спросил следователь.

Взгляд Чарторыйского на мгновение стал острее бритвы:

— Барышне Ветровой будет предложено покинуть столицу в двадцатичетырехчасовой срок. Родовое имение в Псковской губернии — прекрасное, тихое место для дамы ее сложения. Там она сможет беспрепятственно предаваться воспоминаниям... пока они еще не стерлись окончательно.

В комнате повисла тяжелая, гулкая тишина. Было слышно, как за окном с натужным свистом выпускает пар невидимый в тумане катер на Фонтанке.

Анфиса побледнела, но не отвела взгляда. Орлов медленно вынул папиросу изо рта, затушил ее о медную пепельницу и выпрямился во весь свой немалый рост.

— Передайте Его Императорскому Величеству, ваше превосходительство, — четко, чеканя каждое слово, произнес следователь, — что капитан Орлов давал присягу защищать покой подданных Государя. Всех подданных. И живых людей, и тех созданий, чьим дыханием этот город был основан на финских болотах. А быть тюремщиком чужой памяти я не нанимался.

Чарторийский не рассердился. Он лишь медленно кивнул, словно предвидел именно такой ответ и уже заранее внес его в графу расходов.

— Жаль, — негромко произнес он, надевая перчатки обратно на холеные руки. — Искренне жаль, капитан. Вы романтик, а романтики в наше время кончают либо в сумасшедших домах, либо на каторжных рудниках.

Он повернулся к выходу, но у самых дверей остановился и, не оборачиваясь, бросил:

— До полудня завтрашнего дня помещение должно быть сдано комендантской роте. Не делайте глупостей, господа. Фрол очень не любит лишней писанины при составлении протоколов задержания.

Тайный советник вышел. Жандармский ротмистр последовал за ним, а за ними, тяжело шаркая коваными подошвами, двинулся одноглазый Фрол. На пороге он на мгновение задержался, медленно перевел свой мертвый взгляд с Орлова на Анфису, и в глубине его зрачка на долю секунды вспыхнул тусклый, белесый огонек — словно отражение магниевой вспышки, навеки выжгшей из него все человеческое.

Дверь закрылась.

Тимофей Семенович обессиленно опустился на стул, схватившись за сердце: — Пропали... Господи Иисусе, теперь уж точно пропали... Это же Чарторийский! Он самого обер-прокурора Синода на ковер вызывал...

— Замолчите, Тимофей, — хрипло сказал Орлов.

Он подошел к сейфу, резко повернул тяжелый латунный вертушок и распахнул толстую стальную дверцу. Внутри, аккуратно перевязанные бечевкой, лежали дела, которые они вели последние два года — сотни протоколов, записей заклинаний, зарисовок и показаний свидетелей.

— Что вы делаете, Глеб? — Анфиса подошла к нему, тронув за плечо.

— Спасая то, что еще можно спасти, — Орлов начал вынимать папки и бросать их на стол. — Завтра в полдень здесь будут жандармы с фотокамерами и серной кислотой. Они не оставят от архива даже пепла. Тимофей Семенович, берите ящики. Пакуем только полевые дневники и дела первой категории.

— Куда мы это денем? — спросила девушка, глядя на растущую гору бумаг. — Нас объявят в розыск к вечеру. Нас будут искать по всему Петербургу.

Орлов замер, держа в руках толстую тетрадь в черном коленкоровом переплете — записи по делу завода Ярославского.

— В городе, где все всё забывают, Анфиса, самое безопасное место — там, куда люди боятся заглядывать даже днем, — он поднял на нее тяжелый, решительный взгляд. — Собирайтесь. Нам предстоит навестить тех, кто еще помнит, как пахнет порох и кровь. И молитесь, чтобы они еще не превратились в стекло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.